

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ П. И. БАРТЕНЕВУ.

І. Петра Александровича Плетнева.

16 Августа 1853. Санктпетербургъ.

Очень благодаренъ я доброй Аннѣ Петровнѣ¹⁾, что она передала вамъ, милый другъ Петръ Ивановичъ, вѣсточку о сердечномъ желаніи моемъ знать про ваше житье-бытье. А васъ отъ души благодарю, что вы не полѣнились исполнить мое желаніе. Все, чтѣ вы пишете о своихъ занятіяхъ, чрезвычайно для меня интересно, и я радуюсь, что любовь ваша къ отжившимъ друзьямъ моимъ²⁾ не остываетъ. Это даетъ мнѣ надежду, что въ вашемъ тепломъ сердцѣ и мнѣ уголокъ сохранится.

Напрасно поделикатничали вы, не сказавъ мнѣ откровенно, что родные Жуковскаго за многое сердятся на меня: во 1-хъ за біографическія ошибки въ статьѣ моей, во 2-хъ за помѣщеніе ея въ сборникъ³⁾, а въ 3-хъ (и всего болѣе) за недоставленіе имъ особыхъ оттисковъ этой статьи. Но если бы имъ извѣстны были подробности труда моего, они сознались бы, что я передъ ними нисколько не виноватъ. Статью писалъ я совершенно безъ всякихъ пособій, а только по памяти и по нѣкоторымъ литературнымъ соображеніямъ. И такъ мнѣ было прости-тельно ошибаться еще болѣе. Если же бы я не написалъ ничего, это и подавно свело бы въ забвеніе столь славную для насъ память. Те-

¹⁾ Зонтагъ, съ которою П. А. Плетневъ находился тогда въ перепискѣ по поводу своей книжки о скончавшемся 12 Апрѣля 1852 года В. А. Жуковскомъ. П. Б.

²⁾ Т. е. къ Пушкину, Баратынскому и Жуковскому. П. Б.

³⁾ Плюшара. П. Б.

перь же всё вострепнулись. Моя статья не помѣха блестящему перу ни Блудова, ни Вяземскаго. Плюшаръ соблазнилъ меня къ напечатанію въ книгѣ своей, предваривъ, что онъ украситъ біографію картинками къ тексту, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ изъ нашихъ издателей. Особыхъ же оттисковъ до сихъ поръ я и себѣ не могъ достать ни экземпляра, да кажется и не будетъ ихъ до Новаго года, какъ я думаю, отъ того, что издатель боится отъ появленія ихъ подрыва дорогой своей книгѣ. Но пусть другіе на меня сердятся и ни слова не говорятъ о томъ, о чемъ я такъ желалъ бы откровенно потолковать съ друзьями покойнова. А вы, какъ любитель такой работы и мой искренній другъ, обязаны изложить мнѣ все, что думаете объ этомъ дѣлѣ. Вамъ на меня сердиться не за что. Продолжайте прекрасный трудъ свой и все, что приготовите къ печати, отдайте въ „Москвитянинъ“, только съ условіемъ, чтобы непременно заплатили они вамъ столько, по скольку платятъ Петербургскіе журналисты. Безъ этого войдите въ переговоры сначала съ Панаевымъ; а ежели и тутъ не добьетесь толку, то разрѣшаю вамъ обратиться даже къ Жиду-Краевскому, какъ это ни гадко для чистыхъ рукъ*).

Намѣреніе ваше выдержать экзаменъ на магистра я вполне одобряю: это поможетъ вамъ двинуться въ полученіи мѣста и чина.

Повидайтесь съ С. А. Соболевскимъ; онъ живетъ на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ Мальцова. Узнайте отъ него и увѣдомите меня, когда навѣрное онъ возвратится въ Петербургъ. Тоже побывайте и у Шевырева: онъ совсѣмъ забросилъ меня. Ужели и онъ раздѣляетъ съ другими смѣшное на меня негодованіе? Поклонитесь доброму Бергу. Засвидѣтельствуйте особенное почтеніе А. П. Елагиной и Е. А. Жуковской.

Мои всё вамъ кланяются. П. Плетневъ.

15 Сентября 1853. Спб.

На два письма ваши (1 и 8 Сент.), любезный другъ Петръ Ивановичъ, отвѣчаю разомъ. Не можете ли вы мнѣ дать знать, гдѣ въ Спб. будетъ квартировать Вигель? Я тоже иногда люблю поговорить съ нимъ. Еще одолжили бы вы меня, если бы, кончивъ и переписавъ свою статью о матери и первомъ дѣтствѣ Жуковскаго, переслали ее ко мнѣ для прочтенія. Что касается до готоваго у васъ указателя къ статьямъ Жуковскаго, когда и гдѣ они были напечатаны, смѣло пересылайте его ко мнѣ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. Я увѣренъ, что и вознагражденіе вамъ послѣдуетъ

*) Я не обращался нигуда. П. Б.

наравнѣ съ другими. О томъ, что Жуковскій видѣлъ Екатерину съ хоръ въ авансъ-залѣ Зимняго дворца¹⁾ на какомъ-то выходѣ Императрицы, я слышалъ объ этомъ изъ собственныхъ устъ поэта. Мнѣ только не пришло тогда въ голову спросить, за какимъ дѣломъ привезли его въ Спб. Послѣ же, когда узналъ я, что Посниковъ увозилъ Жуковского изъ Тулы въ Нейшлотъ, я и догадался, что это былъ тотъ самый случай, на которомъ маленькій юнкеръ явился въ Петербургъ и въ толпѣ посмотрѣлъ на Государыню. Другого случая не было въ тогдашнемъ періодѣ жизни его.

Увѣдомьте Елисавету Алексѣевну²⁾, что г. Родіоновъ не сообщалъ мнѣ никакого извѣстія на счетъ постановки Цесаревичемъ на могилѣ В. А. Жуковского памятника собственнымъ Его Высочества иждивеніемъ. Теперь Государя Наслѣдника въ Спб. нѣтъ, а возвратится онъ конечно скоро, но будетъ озабоченъ близкимъ разрѣшеніемъ отъ бремени Великой Княгини супруги его. За мѣсяць передъ симъ ко мнѣ писалъ г. Олсуфьевъ, гофмаршалъ двора Наслѣдника, что Великій Князь соорудитъ памятникъ Жуковскому и намѣренъ на немъ приказать изсѣчь всю послѣднюю пьесу Жуковского „Царскосельскій Лебедь“, для чего и присылалъ г. Олсуфьевъ рукопись ея, чтобы я просмотрѣлъ, нѣтъ ли въ ней описокъ³⁾. Но изъ этого я не смѣю заключить, чтобы этотъ памятникъ приготовляемъ былъ для могилы; а я полагаю, что онъ будетъ поставленъ въ Царскомъ Селѣ, на такъ называемомъ „Дѣтскомъ Островѣ“, о чемъ говорила мнѣ вскорѣ послѣ кончины поэта В. К. Марія Николаевна и о чемъ тогда же подробно писалъ я во Франкфуртъ къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Мнѣ кажется, всего удобнѣе ей и вѣрнѣе обо всемъ спросить у г. Родіонова, такъ какъ онъ при дворѣ служить и всегда состоялъ комиссіонеромъ по дѣламъ Жуковского.

Достойнаго наставника для дѣтей поэта конечно нигдѣ нельзя лучше обрѣсти, какъ въ Москвѣ. Вы можете содѣйствовать къ тому, навѣдываясь и у профессоровъ, и у бывшихъ товарищей вашихъ. Мнѣ очень жаль, что Шевыревъ затрудненъ въ отвѣтахъ на письма, чего я, признаться, никогда не испыталъ и не очень понимаю. Простительно такъ отговариваться лѣнтяю-Соболевскому или человѣку не желающему переписываться; а нашему брату, у котораго перо изъ

¹⁾ Не Зимняго, а Таврическаго дворца, на Потемкинскомъ праздникѣ 1791 г. П. Б.

²⁾ Вдову Жуковского. П. Б.

³⁾ Это желаніе Александра Николаевича не было приведено въ исполненіе. Устройствомъ надробія надъ привезеннымъ изъ Баденъ-Бадена прахомъ Жуковского завѣдывалъ Сербиновичъ, по мысли графа Блудова. Вышло нѣчто несурзное, подражаніе гробницѣ Ярослава (что въ Кіевскомъ Софійскомъ Соборѣ). П. Б.

рукъ не выходить, писать такъ же естественно и легко какъ дышать. Что тутъ за выборъ свободнаго времени?

Вы хорошо сдѣлали, что послали свою статью¹⁾ Краевскому; онъ конечно презрѣннѣйшее существо изъ всѣхъ журналистовъ, но и богатѣйшее за то; а намъ работникамъ нѣтъ надобности разбирать, изъ какихъ рукъ выходятъ деньги: правило, котораго держался еще императоръ Веспасіанъ, приговаривая: „запахъ прибыли всегда пріятенъ, даже и отъ урины“. П. Плетневъ.

2 Декабря 1853, Спб.

Хоть я терпѣть не могу долговъ, а вотъ обстоятельства заставили меня задолжать вамъ, милый другъ Петръ Ивановичъ: я не отвѣчалъ вамъ на два письма ваши отъ 24 Сентября и 14 Ноября. Причиною тяжелая для меня всякой годъ эпоха отъ Октября до Января. Тутъ я занятъ собираніемъ матеріаловъ и составленіемъ годичныхъ отчетовъ по Академіи Наукъ или по Университету.

Все что вы рассказываете мнѣ про ученіе дѣтей Жуковскаго меня интересуеть въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что сама Елисавета Алексѣевна писала ко мнѣ только разъ, да и тамъ не упомянула объ этомъ предметѣ²⁾. Помогите Господь Москвѣ сдѣлать всѣхъ ихъ такими Русскими, какъ былъ самъ поэтъ. „Отеч. Записки“, видно, намѣрены отвадить васъ отъ печати. Но вы не приходите въ отчаяніе: то ли еще бываетъ, когда свяжешься съ такими особами, какъ пресловутая Краевщина? Вотъ я статью вашу о Жуковскомъ, которую прислали вы мнѣ въ рукописи, перечитывалъ и перечитываю съ наслажденіемъ. Только совѣтую вамъ изъ подлинныхъ записочекъ, теперь приставленныхъ въ видѣ приложений, побольше выбрать, нисколько не отдаляясь отъ ихъ редакціи. Это придастъ болѣе не только полноты, но и точности въ сообщаемыхъ вами свѣдѣніяхъ.

Вы мнѣ позвольте нѣсколько времени подержать у себя вашу статью. Нѣтъ надобности печатать ее теперь отдѣльно. Она будетъ въ высшей степени интересна, какъ часть полной біографіи поэта, но утратить лучшую часть прелести своей, если напечатать ее отдѣльно. Между тѣмъ въ свободные часы отъ вашихъ приготовленій къ магистерству продолжайте составленіе этой біографіи и что у васъ бу-

1) „Родъ и дѣтство Пушкина“. Радуюсь, что нынѣ, благодаря всестороннимъ разысканіямъ о Пушкинѣ, статья эта уже не имѣетъ вовсе значенія. О статьѣ моей узналъ Т. Н. Грановскій и послалъ ее въ „Отечественныя Записки“. Совершенно для меня неожиданно, онъ потомъ отдалъ мнѣ отъ Краевскаго 45 рублей. П. Б.

2) Учителемъ дѣтей Жуковскаго былъ приглашенъ сынъ Лютеранскаго пастора К. К. Зедергольмъ, впоследствии обратившійся въ Православіе и въ Оптиной пустыни принявшій монашество. П. Б.

дѣть скопляться, то пересылайте по частямъ мнѣ. Теперь здѣсь Великая Княгиня Ольга Николаевна; можетъ быть, ей захочется прочитать о дѣтствѣ поэта; вотъ въ такомъ случаѣ мы съ вами и одолжимъ Ея Высочество.

Когда я увижусь въ Москвѣ, я вамъ этого не могу сказать навѣрное. Женѣ моей невозможно пуститься со мною въ путь, а оставить ее здѣсь одну съ дѣтьми жадко*).

14 Дек. 1853., Спб.

Вчера прїѣзжалъ ко мнѣ Сербиновичъ. Вы знаете, что этотъ человекъ нѣкогда помогалъ Карамзину, составляя для него выписки изъ Польскихъ хроникъ. Послѣ онъ сохранилъ лучшія отношенія къ Пушкину и Жуковскому. Теперь онъ умѣлъ приобрѣсти равносильное вліяніе на министра просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода. Все это я рассказываю вамъ, милый другъ мой Петръ Ивановичъ, для того, чтобы вы не удивились, зачѣмъ я навязываю на васъ хлопоты для этого человека. Сербиновичъ, будучи уже тайнымъ совѣтникомъ и украшенный множествомъ звѣздъ, остается въ нашемъ министерствѣ, чѣмъ бы вы думали? редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ему очень хочется въ 1-мъ его номерѣ 1854 года помѣстить какую-нибудь (а если коротенькія, то какія нибудь двѣ-три) изъ статей Жуковскаго въ прозѣ религіозно-нравственнаго содержанія. Хотя всѣ эти статьи хранятся у меня, но я безъ согласія Елисаветы Алексѣевны никакъ не рѣшусь на подобное дѣло. Ущербу для интересовъ семьи Жуковскаго я никакихъ тутъ не вижу. Не продавать же намъ ихъ по гривеннику за строчку? Но выгоды (какъ замѣтилъ и Сербиновичъ) отъ этого произойти могутъ: Журналъ М. Н. П. у себя все печатаетъ безъ всякой цензуры. Появленіе въ печати такихъ статей, которыя духовною цензурою нѣкогда были остановлены, а теперь самимъ правительствомъ допущены до общаго свѣдѣнія, можетъ снять нѣсколько опалъ со всѣхъ рукописей поэта, лежащихъ безнадежно.

И такъ, сейчасъ же по прочтеніи моего письма, отправляйтесь къ А. П. Елагинной и расскажите ей, почему я рѣшился просить у Елисаветы Алексѣевны позволенія выдать Сербиновичу двѣ-три небольшія пьески въ прозѣ нравственно-религіознаго содержанія. Авдотья Петровна поможетъ намъ, сама ли она приметъ на себя изложить все это дѣло вдовѣ, или отправить къ ней васъ ходатаемъ. Во всякомъ случаѣ одно только помните, что вашъ рѣшительный отвѣтъ я долженъ получить не позже Субботы нынѣшней недѣли (19 Дек.) такъ

*) Плетневъ такъ и не былъ никогда въ Москвѣ. П. Б.

какъ сегодня Понедѣльникъ, журналъ же долженъ выдти около первыхъ чиселъ будущаго Января.

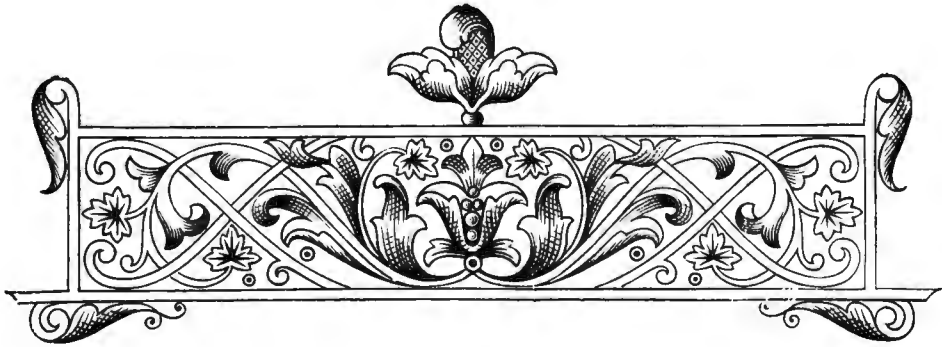
Вамъ хочется знать про статью вашу о Жуковскомъ, достойна ли она памяти его. Да какъ же и можетъ быть иначе? Вы не только собираете съ любовію все о немъ до малѣйшихъ подробностей, да и пишете даже съ видимою нѣжностію, съ благоговѣніемъ къ памяти его и къ его высокопоэтической жизни. И такъ естественно, что въ вашемъ изложеніи удерживается равновѣсіе между предметомъ и изложеніемъ, а въ литературѣ только это и составляетъ главнѣйшее достоинство произведенія.

По явившемуся у насъ номеру „Москвитянина“ я слишкомъ убѣдился, какъ его редакція прогнѣвалась на васъ за то, что вы не приносите ей въ даръ статей своихъ. Вотъ такова-то у насъ литературная дружба! Но вы не обезкураживайтесь. Надобно сохранить въ жизни одно: внутреннее убѣжденіе, что дѣйствія мои не въ противорѣчїи съ честію и совѣстію. Все же прочее можетъ приходить и уходить по произволу.

Довѣренность Пушкина, которую онъ формально выдалъ мнѣ на всѣ сдѣлки съ альманашиками и прочими литературными факторами, собственноручно имъ написана и подписана 7-го Сентября 1828 года.

...На Руси ни о комъ писать нельзя, не упоминая о его производствѣ въ чины. Это неизбѣжная хронологія нашихъ успѣховъ въ жизни. Даже, говоря о Крыловѣ, я не смѣлъ и не могъ пропустить этого; а Крыловъ былъ только статскимъ совѣтникомъ. Знаютъ ли родные, что чинъ тайнаго совѣтника Жуковскій принужденъ былъ самъ просить себѣ? Это случилось передъ свадьбою Цесаревича, послѣ которой назначался обѣдъ во дворцѣ для чиновъ первыхъ трехъ классовъ. Безъ чина тайнаго совѣтника Жуковскій не имѣлъ бы права явиться на обѣдъ, который устроенъ былъ въ честь его воспитанника. Вотъ что значить у насъ чиноположеніе! Я нигдѣ не описывалъ поэта царедворцемъ; скорѣе онъ представленъ какъ бы членомъ Августѣйшей фамиліи, а это приносить равную честь той и другой сторонѣ.

II. Никиты Петровича Гилярова.

Никита Петровичъ Гиляровъ (1824—1887), когда я былъ съ нимъ въ перепискѣ, читалъ у Троицы въ Московской Духовной Академіи о ересьяхъ и расколахъ. Съ цѣлью пріобрѣсти извѣстность, отдавалъ онъ почти явное предпочтеніе старообрядчеству передъ государственными церковными порядками, и митрополитъ Филаретъ долженъ былъ удалить его отъ должности. Никогда и ни отъ кого не слыхивалъ я столько дурнаго, какъ въ то время отъ Гилярова о митрополитѣ, который, узнавъ Гилярова ближе, сдѣлался ему благодѣтелемъ и выручалъ его изъ бѣдъ. Гиляровъ былъ старше меня на пять лѣтъ, а ученостію и дарованіями превосходилъ и Каткова, и Аксакова; но къ нему можно отнести сказанное мнѣ про графа Л. Н. Толстого однимъ изъ бывшихъ у него въ Ясной Полянѣ учителей сельской школы: очковая змѣя, овладѣетъ въ человѣкѣ всѣмъ что въ немъ есть, а потомъ кидаетъ его какъ совершенно ненужное.

Я тогда служилъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а въ обществѣ былъ своимъ у Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Елагиныхъ, Каткова, и—главное—находился въ перепискѣ съ графиней А. Д. Блудовой (два старшихъ племянника ея, Иванъ и Дмитрій Шевичи, незадолго передъ тѣмъ были моими учениками). Гилярову былъ я нуженъ какъ почитатель и ревностный способникъ. Когда Блудовы пріѣхали на лѣто въ Нескучное, я ввелъ къ нимъ Гилярова.

*

С. Посадъ. 3 Дек. 1854.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

Благодарю васъ за присланныя книги и за записку вашу. Обѣ ваши просьбы постараюсь исполнить. Относительно, собственно, свѣдѣній о жизни покойнаго Голубинскаго, думаю, что онѣ вамъ надобны не сейчасъ, потому что некрологъ лицъ, скончавшихся въ нынѣшнемъ году, конечно, долженъ явиться или въ самомъ концѣ настоящаго или въ началѣ слѣдующаго года. Между тѣмъ къ тому времени я соберу

свѣдѣнія, какъ нужно, и прибавлю нѣкоторыя замѣчанія отъ себя. Разумѣется, это должно быть въ полномъ секретѣ. Паукъ*) удержалъ у себя біографію покойнаго, писанную однимъ моимъ сослуживцемъ, и едва ли дастъ ей явиться на свѣтъ. Посему разумѣвайте и о прочемъ.

Есть у меня къ вамъ просьба; не знаю только, возможно ли для васъ ея исполненіе. и хватитъ ли въ васъ охоты ее исполнить. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ Университетской бібліотекѣ, безъ всякаго сомнѣнія, есть Люитпрандъ, лѣтописецъ среднихъ вѣковъ. Мнѣ до него есть нѣкоторая надобность, и полагаю, что вы можете его достать. Если это можно, и если у васъ будетъ охота услужить мнѣ, то предлагаю два средства. Во первыхъ или перешлите мнѣ его по почтѣ. Это для меня удобнѣе; въ такомъ случаѣ, я возвращу его вамъ черезъ недѣлю, не болѣе, или спишите для меня нѣкоторыя мѣста (это менѣе удобно для меня, потому что не могу на угадъ знать нужное для меня въ этой книгѣ).

Въ Люитпрандѣ нужны для меня слѣдующія мѣста.

1) libri. cap. 7. повѣствованіе о избраніи папы Формоса, полное мѣсто.

2) libri 1, cap. 8. Повѣствованіе о томъ, какъ Сергій папа отсѣкъ Формосу пальцы. Мѣсто нужно какъ можно больше въ полномъ видѣ. Оно начинается словами. *Formoso defuncto atque Arnulpho...* оканчивается: *a religiosissimis Romanae urbis viris audivi*. Мнѣ нужно было бы это мѣсто выписать, взявъ еще повыше и продолживъ нѣсколько далѣе (чтобы увѣриться, что до моего дѣла ни предшествующее, ни послѣдующее не относится).

3) Мѣсто изъ предисловія, гдѣ говоритъ Люитпрандъ, что онъ былъ очевидецъ описываемыхъ событій. Не знаю, какъ велико предисловіе и потому указать самаго нужнаго не могу. Если оно не велико, то лучше мнѣ получить его вполнѣ.

Чувствую, что исполненіе просьбы моей затруднительно. Но можетъ быть, какъ нибудъ она и удобоисполнима. Повторяю, гораздо бы лучше, если бы можно было переслать мнѣ самую книгу. Чрезвычайно жалѣю, на этотъ разъ, что незнакомъ коротко ни съ однимъ изъ Университетскихъ профессоровъ. Полагаю, что въ такомъ случаѣ путешествіе Люитпранда не составило бы ни малѣйшаго затрудненія. А мнѣ онъ крайне нуженъ. Въ концѣ Декабря должна быть непременно напечатана въ нашемъ изданіи моя статья, въ которой отсутствіе указанныхъ мѣстъ составитъ значительный ущербъ для основательнаго изложенія дѣла. Впрочемъ вполнѣ полагаюсь на вашу дружбу

*) Т. е. Филаретъ.—Книга о Голубинскомъ, съ его портретомъ и съ его стихами, вышла въ 1855 г. П. Б.

и надѣюсь, что вы сдѣлаете все для васъ возможное и притомъ примете во вниманіе нужду поспѣшности. Если переслать книгу нельзя, а выписки сдѣлать можно, и вы этимъ не затруднитесь: то, разумѣется, нужно указать годъ и мѣсто изданія книги, равно какъ и страницы, на которыхъ напечатаны нужныя для меня мѣста.

О себѣ сказать вамъ ничего не могу. Чувствую себя до крайности гадко. Дѣла пропасть; условія дѣла официальные невыносимы. Кромѣ того, жду формальнаго выговора, по поводу читанной мною студенческой диссертации, хотя въ тоже время—о чудеса—никакъ не могу заранее опредѣлить, за что сдѣланы были замѣчанія, за пустоту ли диссертации, или за умничанье. До такой степени неопредѣлимъ образъ мыслей тѣхъ кто дѣлалъ замѣчанія, что оба противоположныя замѣчанія равно вѣроятны. Извѣстія о Голубинскомъ пришлю вскорѣ. Вашъ Гиларовъ.

НВ. Въ концѣ письма я приписалъ вамъ просьбу о книгѣ, именно о присылкѣ ея. Теперь, сообразивши, я раздумалъ. Къ вамъ явится отъ меня уполномоченный Иванъ Андреевичъ Веніаминовъ, которому довѣрьте, о чемъ онъ васъ отъ моего имени попроситъ. Вѣроятно, онъ придетъ къ вамъ въ самый день полученія письма.

С. Посадъ, 21 Дек. 1854.

Отрываю кусокъ своего, чрезвычайно скуднаго времени, чтобы писать къ вамъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, и благодарилъ васъ за присылку нужныхъ мнѣ выписокъ. Съ своей стороны, и я посылаю вамъ весьма сокращенныя свѣдѣнія о Голубинскомъ. Боюсь, не опоздаю ли я; потому что вы просили прислать къ 15 Декабря. Да къ тому же смущаетъ меня одно обстоятельство: на дняхъ поѣдетъ въ Москву, съ просьбой о помѣщеніи въ „Московскія Вѣдомости“, сданная, наконецъ моему сослуживцу біографія Голубинскаго, состоящая, какъ и слѣдуетъ, изъ общихъ риторическихъ фразъ. Во всякомъ случаѣ дѣлайте какъ знаете. Ранѣе не могъ я послать къ вамъ ничего по простой причинѣ, что не вызналъ года рожденія покойнаго. Теперь, вотъ вамъ, во первыхъ выписки изъ послѣдняго списка покойнаго и изъ оставшагося послѣ него календаря.

Федоръ Александровичъ Голубинскій родился 1797 года, 22 Декабря. Отецъ его Александръ Андреевичъ посвященъ въ стихарь 1790 года Юня 23. Указъ о постановленіи дьячка получилъ 1791, Авг. 18. Женился 1794, Окт. 29. Переведенъ во Троицкій Соборъ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ въ псаломщики 1795 г. Юля 30. Посвященъ въ иподьякона 1802, Сент. 7, посвященъ въ дьякона 1805, Янв. 7, во священника къ Богословской церкви 1820, Ноября 6.). Мѣсто рожденія Федора Александровича Ипатская Слобода, за рѣкой Костромой, въ Костромѣ. Учплся Федоръ Александровичъ въ Костромской

семинаріи съ 1806 по 1814 годъ. За годъ по окончаніи семинарскаго курса, поступилъ въ новооткрывшуюся тогда (1814) Московскую Академію. Учился хорошо какъ въ Семинаріи, такъ и въ Академіи, и въ первой, бывши воспитанникомъ, занималъ должность информатора Греческаго языка. (Информаторами въ Семинаріяхъ и Академіяхъ стараго устройства назывались воспитанники не кончившіе курса и продолжавшіе ученье, но въ тоже время занимавшіе должность учительскую). По окончаніи Академическаго курса, въ 1818 году, былъ назначенъ въ ту же Академію бакалавромъ философическихъ наукъ, 1818 г. Авг. 27. Отселѣ идетъ служебная дѣятельность Ѳедора Александровича и описывается въ послужномъ спискѣ такъ: 1820, Іюля 30 произведенъ въ члены Академической конференціи, 1820 Іюля 31 въ преподаватели Нѣмецкаго языка (съ оставленіемъ прежней каѳедры), 1822 Авг. 28 въ экстраорд. профессора философіи, 1824 Окт. 21 въ ординарнаго, 1826 Іюля 7 въ члены Цензурнаго Комитета, 1828 Авг. 16 во священника, 1828 Сент. 4 въ цензора преобразованнаго Цензурнаго Комитета, 1828 Ноября 19 въ члены Внутренн. Правленія Академіи, 1829 Янв. 17 въ чл. Внѣшн. Правленія, 1829 Іюля 29 въ протоіерея. 1840 Мая 14 уволенъ, по прошенію отъ должности члена Правленія, 1851 Ноября 22-отъ должности цензора. Въ 1854 году представленъ къ совершенному увольненію, по слабости силъ, но не получилъ его. Умеръ въ Костромѣ 1855 Авг. 22.

Пропускаю скуфьи, кресты и благословенія Св. Синода.

Слѣдовало бы сказать о внутреннихъ качествахъ покойнаго, и я общаю вамъ дать нѣсколько замѣчаній. Простите: скудость времени моего не позволила мнѣ сдѣлать это самому, и я просилъ крестника покойному, по каѳедрѣ, сдѣлать безпристрастный очеркъ его личности. Тотъ, общавшись, обманулъ меня. Если можете подождать до святокъ, то получите этотъ очеркъ, увѣдомивши напередъ о своемъ желаніи. Скажу здѣсь только нѣсколько словъ.

Не стану повторять о нравственныхъ качествахъ, о смиреніи, незлобности, вообще о высотѣ нравственнаго характера, объ удивительной памяти, съ какою Ѳедоръ Александровичъ узнавалъ напр. по почерку всѣхъ воспитанниковъ Академія за тридцать лѣтъ и называлъ по имени, отчеству и фамилии и проч. Объ этомъ вы слышали отъ меня у Блудовыхъ.

Скажу здѣсь, что этотъ человекъ замѣчательнъ, собственно, по своей обширной богословской и философической эрудиціи и страшному трудолюбію, съ какимъ напр., какъ рассказываютъ, при цензорованіи книги Венелина (въ недавнихъ годахъ) для нѣсколькихъ строкъ цензорскихъ, напечатанныхъ въ книгѣ, онъ прочиталъ цѣлые томы. Но

таланта къ конструктивности, къ созданію самобытному этотъ человѣкъ не имѣлъ и ничего въ жизнь свою, кажется, не произвелъ, кромѣ перваго письма о конечныхъ причинахъ, отпечатаннаго въ Твор. Св. Отцовъ. Но и здѣсь является только собирателемъ, не болѣе.

Покойный читалъ Введенія въ Философію, Метафизику и Исторію Древней Философіи. Чтò сказать о его системѣ? Философія, по выражаемымъ во Введеніи и Метафизикѣ понятіямъ, должна быть развитіемъ идеи безконечнаго. Идея безконечнаго, хотя прирожденная и прирожденная и присущая каждому человѣку, не есть врожденное понятіе, понятіе опредѣленное, не есть и формальная идея въ Кантовомъ смыслѣ, но можетъ быть понимаема какъ стремленіе къ безконечному, къ божеству: пустое, неопредѣленное сначала, и притомъ запутанное и не ясное. Это стремленіе чрезъ прираженіе человѣческаго сознанія къ міру дѣйствительности наполняется и становится опредѣленнѣе. Идея является, сообразно тремъ сторонамъ духа, идеею истины, добра и красоты. Въ чемъ состоитъ путь восхожденія сознанія къ понятію о безконечномъ, и какъ, при свѣтѣ идеи о безконечномъ, открываются существенныя свойства, причины и цѣли сущаго, но раскрываемыя по тремъ вышесказаннымъ сторонамъ, въ этомъ должно состоять построеніе философіи, раздѣляющейся, по основному понятію, на метафизику, нравственную философію и эстетику. Вотъ въ самыхъ краткихъ словахъ основное понятіе о философіи. Но это понятіе въ системѣ не является выдержаннымъ. Въ своей Метафизикѣ Федоръ Александровичъ былъ эклектикъ и даже не синкретистъ. Понятія, которыя онъ раскрывалъ, онъ подгонялъ только вообще къ своему основному понятію, но въ частнѣйшемъ проведеніи терялъ, какъ бы, основную нить, долженствовавшую его руководить. Являлась кругообразность (напр., бытіе идеи доказывалось изъ свойствъ божественныхъ, а свойства божественныя раскрывались и доказывались опять изъ идеи же). Въ изложеніи покойнаго ясность была дѣйствительно необыкновенная, при общей репутаціи философовъ, какъ людей туманныхъ. Но нужно рѣшить, не зависѣла ли эта ясность отъ того только, что мысль не держалась философіи въ сферѣ отвлеченной, а вращалась въ кругу обыденныхъ представленій. И такъ, можетъ быть, это недостатокъ, а не достоинство.

Видите,—и самъ я чувствую, что сказаннаго мною мало, и высказанное мною неясно обрисовываетъ чтò нужно. Въ душѣ моей лежитъ болѣе полный образъ какъ самаго покойнаго, такъ и подробное понятіе о немъ, какъ о философѣ. Но повторяю, извините меня: не имѣю и часа свободнаго времени.

Объ Агапитъ ничего не знаю. Нужно справиться у чиновниковъ Синодальной канторы: они знаютъ.

Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ. Прошу и требую непремѣнно отвѣта вашего. Въ Москву не ѣду, потому что заваленъ по горло официальными дѣлами, и въ частности статьею. Была бы у меня къ вамъ еще просьба, но не смѣю навязываться вамъ. Если для васъ будетъ легко, и можно сдѣлать скоро, сдѣлайте. Въ числѣ хроникѣровъ средневѣковыхъ есть нѣкто Martinus Polonus; нельзя ли достать и прислать мнѣ его, или книгу, въ которой онъ помѣщенъ, на три-четыре дня? Совѣстно высказывать подобную просьбу. Но.... кстати, какъ писать адресъ графинѣ?*)

* С. Посадъ, 16 Марта 1855.

Вы увѣдомляете меня, что изъ Петербурга настоятельно просятъ о доставленіи извѣстнаго моего сочиненія, въ надеждѣ, что оно, при теперешнихъ обстоятельствахъ, можетъ быть очень полезно. Не знаю, чтѣ вамъ отвѣчать по поводу этого приглашенія. Впервыхъ, я не совсѣмъ понимаю, какимъ образомъ сочиненіе мое можетъ быть полезно, и притомъ въ теперешнее время. У нечитавшихъ моего сочиненія, конечно, могла родиться такая мысль, въ слѣдствіе слуховъ, что сочиненіе написано умно и хорошо; и конечно, такіе отзывы и порождаемая ими надежда очень лестны для меня. Но съ другой стороны мнѣ остается только пожалѣть, что я подалъ поводъ къ этимъ слухамъ и этимъ отзывамъ.

Словомъ, я не понимаю, о какой пользѣ моего сочиненія можетъ быть рѣчь въ теперешнее время, но по мнѣнію моему, изъ моего письма пользы не можетъ быть никакой, а вредъ порядочный. Мое письмо писано было въ Октябрѣ 1853 года, при первыхъ только слухахъ о затѣвавшихся новостяхъ, и съ другой стороны, писано человекомъ рвавшимся сдѣлать посильно добро общественное, какъ одно простое напоминаніе, но никакъ не въ видѣ совѣта или мнѣнія. Въ такомъ именно случаѣ, то есть когда письмо будетъ принято какъ одинъ памятникъ прошлаго, я готовъ вручить его скромности уважаемыхъ мною лицъ, за тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не видѣли въ отказѣ моемъ простого упрямства, или даже чего нибудь еще хуже.

Между прочимъ, появилось было у меня желаніе самому побывать въ Петербургѣ; можетъ быть, отчасти это было бы полезно. Но, не говоря о безчисленныхъ затрудненіяхъ, чисто официальныхъ, подобная поѣздка не дозволяется мнѣ даже состояніемъ здоровья.

*) А. Д. Блудовой. П. Б.

Да, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, вы оканчиваете свою краткую записку желаніемъ мнѣ здоровья и счастья. Какую иронию прочиталъ я въ этомъ желаніи! Я теперь боленъ, лечусь, принимаю микстуры, и безъ надежды выздоровленія, потому что причины, кромѣ физическаго изнуренія, главнымъ образомъ, чисто-психическія. Помнится мнѣ въ домѣ графа Дм. Ник. я какъ-то сказалъ, что не знаю, вынесу ли я даже этотъ годъ. Ан. Дм. засмѣялась на это; но увы, предсказаніе мое не совсѣмъ было лишено основанія. Нервное разстройство у меня сильнѣйшее.

*

С. Посадъ, 1 Апр. 1855.

Занимаюсь я въ настоящее время исторіей и теоріей церковнаго пѣнія, преимущественно древняго. Чудныя, оригинальныя вещи встаютъ предо мной. Работы предъ собой вижу много, и не знаю, до какой степени удастся мнѣ выяснитъ существо древней церковной музыки, основанной, какъ видится, на совершенно иной системѣ, нежели теперешняя музыка.

При этомъ кстати просьба. Я просилъ И. С. А.¹⁾ адресоваться къ Алексѣю Степановичу²⁾ съ тою же просьбою, но можетъ быть у Ал. Степ. нѣтъ того, о чемъ я прошу. И такъ я думаю адресоваться еще къ другому лицу. Но въ Москвѣ ли Стаховичъ? Онъ меня, кажется, знаетъ. И вотъ я желалъ бы получить какую нибудь книгу, которая заключала бы въ себѣ общую теорію современнаго музыкальнаго искусства. У него подобная книга должна быть; а мнѣ бы она нужна на краткое время. Вы, хотя чрезъ Елагиныхъ, имѣете способы сообщить ему мою просьбу.

При этомъ передайте ему мою мысль. Приходила ли ему догадка, что гамма у Русскаго народа, поющаго пѣсни, не та, какая употребительна въ обыкновенной музыкѣ, и построена на особенной системѣ? Я почти увѣренъ въ этомъ и готовъ, если угодно, представить образчикъ пѣсни, которую невозможно выразить нашими нотами, по сказанной мною причинѣ. Начавшему изученіе музыки по нынѣшней системѣ, можетъ быть, трудно въ этомъ увѣриться; но мнѣ, воспитавшемуся впервые на звукахъ народнаго пѣнія, чувствуется очень ясно, что наша нынѣшняя система ниже музыки народной. И какая система. по математическому вычисленію пропорцій между тонамп, правильнѣе, это другой вопросъ, о которомъ разсуждать негдѣ теперь и некогда.

¹⁾ Аксакова. П. Б.

²⁾ Хомякову. П. Б.

*

С. Посадъ, 28 Сент. 1855.

Вы спрашиваете, не оставилъ ли я желанія перемѣнить службу. Отвѣтъ вы получили уже. Я спрашивалъ васъ о мѣстѣ, котораго лѣтомъ, по многимъ отношеніямъ, я не хотѣлъ бы принять, если бы его даже и предложили. Ваше извѣстіе несказанно меня порадовало. Чья-то безыменная клевета такъ мнѣ угодила, что я вынужденъ просить отставки и подаю просьбу немедленно объ увольненіи. Паукъ запустилъ въ меня свои лапы и хотѣлъ задушить окончательно.

Подробности отлагаю до скорого личнаго свиданія. Дотогѣ прошу и надѣюсь, что дружба ваша сохранить мои намеки въ строжайшемъ секретѣ. Между тѣмъ увѣдомьте меня, что это за мѣсто, могущее скоро открыться. Можете судить, что это меня крайне интересуешь. Если извѣщеніе объ этомъ возможно по почтѣ, увѣдомьте меня въ Субботу. Если же нужна оказія, то представляются два способа: во первыхъ, въ Москвѣ семейство Аксаковыхъ, которое, кажется въ Воскресенье отправится въ деревню. Впрочемъ гдѣ оно остановилось, не знаю... Другой способъ простѣйшій, хотя для васъ и болѣе затруднительный: нужно съѣздить ко Кресту, т. е. около Троицкой заставы, гдѣ на дворѣ, кажется, Астафьева Троицкіе ямщики. Вручить ямщикамъ письмо, съ надписью: подателю столько-то (по уговору), если доставить письмо тогда-то (по уговору-же). Хорошо, если ямщикъ попадетса Мокеевъ или Моисеевъ: они меня знаютъ. Цѣна доставки съ утра на вечеръ, или съ вечера на утра, болѣе обыкновенная 50 коп. серебромъ, которыя и должны быть уплачены мною. Во всякомъ случаѣ жду отъ васъ увѣдомленія, для соображенія своихъ дѣйствій.

Поблагодарите графиню за память обо мнѣ. Я предъ ней виновать, что не исполнилъ обѣщанія ей даннаго: но обстоятельства мои были таковы, что не о томъ нужно было думать. При семъ прилагаю письмо къ ней. Оно можетъ быть отправлено не иначе какъ по оказіи. Если таковой нѣтъ, то пусть оно будетъ у васъ.

*

С. Посадъ, 28 Сент. 1855.

Вы, конечно слышали, что лѣтомъ я искалъ мѣста начальника отдѣленія у васъ въ Архивѣ и что исканіемъ своимъ я опоздалъ. Прошу васъ теперь, увѣдомьте меня немедленно, замѣщена ли вакансія бібліотекаря или нѣтъ? Извѣстіе это мнѣ крайне нужно.

На дняхъ я буду въ Москвѣ и увижу васъ. Дотогѣ прошу васъ не говорить о моемъ порученіи никому ни слова.

Жду отъ вашей дружбы немедленнаго увѣдомленія. Если письмо вы получите въ Четвергъ, то пошлите отвѣтъ мнѣ, если можно, въ

тотъ же день. хотя со штрафомъ лишняго гривенника, часу въ пятомъ. Въ Четвергъ ходитъ почта изъ Москвы къ Троицѣ. А то придется ждать до Субботы, а мнѣ до Воскресенья.

*

С. Посадъ, 14 Окт. 1855.

Прошу васъ покорнѣйше о двухъ вещахъ.

Во первыхъ, пошлите прилагаемое письмо къ графинѣ. Если есть немедленная оказія, то съ оказіей; если нѣтъ, то и по почтѣ: ибо въ письмѣ нѣтъ, кажется, ровно ничего, заслуживающаго посторонняго вниманія. Самъ не посылаю, потому не знаю адреса, не измѣненъ ли онъ съ прошлаго года*).

Второе, если Кошелевъ въ Москвѣ есть или будетъ, хорошо. если бы вы побывали у него и безъ всякихъ дальнихъ разговоровъ объявили ему, что я по непріятности выхожу изъ службы. Я отъ него жду письма, но письма нѣтъ. Можетъ быть мои обстоятельства и побудятъ его написать мнѣ. А безъ того повторить къ нему письмо не рѣшаюсь; ибо могу предполагать, что онъ на меня сердитъ, и въ такомъ случаѣ смѣшно мнѣ писать къ нему пустое письмо.

Извините, что я заваливаю васъ порученіями. Искренно желаю, чтобы какъ нибудь и мнѣ выпалъ случай чѣмъ нибудь отплатить вамъ за ваше участіе. Вашъ Гиляровъ.

Увѣдомьте меня о полученіи и о времени полученія этого письма. Мнѣ нужно для расчета съ ямщикомъ, который вамъ его доставляетъ. Адресъ пишите.

*

22 Окт. 1855.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

Новая ко мнѣ оказія пріѣхала въ Москву и остановилась въ Петровскомъ монастырѣ, въ видѣ эконома Московскои Духовнои Академіи, іеромонаха отца Геронтія. Если есть ко мнѣ письмо, перешлите съ нимъ.

Да не можете ли вы мнѣ сообщить, въ какомъ положеніи редакторское мѣсто „Московскихъ Вѣдомостей“? Уволенъ ли Катковъ, и что за симъ послѣдовало далѣе? И если есть еще какая нибудь надежда, то не присовѣтуете ли вы мнѣ... что нибудь дѣлать? Сію здѣсь, ничего не знаю. Говорятъ, Виземскій скоро будетъ въ Москвѣ, и я думаю во всякомъ случаѣ побывать у него. Вашъ Гиляровъ.

*) Графъ Блюдовъ и его дочь многіе годы жили въ Петербургѣ въ домѣ Бодиско, на Большой Итальянской улицѣ. П. Б.